

Анастасия
РОМАНОВА

**ПРОСТОЕ СВЕЧЕНИЕ
ШИФРОВАЛЬНОЙ
МАШИНКИ**

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ
КАСТОПРАВДЫ

Россия, 2016

Простое свечение шифровальной машинки. Анастасия Романова.

На обложке: Работа #1 из серии "Итальянская пыль", автор - Надя Кузнецова.

Издательские проекты Кастоправды. Россия, 2016.

Анастасия Романова - поэт, прозаик, публицист. Автор 5 поэтических книг: «Распутье. Самшиты. Осока» (Москва, 2001); «Варварские земли» (Севастополь, Товарищество Знакъ, 2005); «Большой соблазн» (Москва, АГРО-РИСК, 2007); «Звонкие глухие» (Москва, Кастоправда, 2012); «Песни-во-сне-сна» (Чебоксары, Free poetry, limited edition, 2015). Также вышла книга нон-фикшн «Загадки русского языка» (СПБ, АМФОРА, 2015). Один из создателей мультимедийного альманаха «Кастоправда» (www.kastopravda.ru), участник поэтических перформансов, исследователь звуковой поэзии, исполнитель авторских зонгов. Лонг-лист премии Дебют, номинация поэзия (2002-2004). Публикации в периодических российских и зарубежных изданиях. Тексты переводились на немецкий, французский, польский, болгарский и английский языки. Живет в Санкт-Петербурге.

беги из истории,
беги от материка,
из океана – беги,
с неба – беги,
с дерева – беги,
из-под земли - беги,
от подстав - беги,
от распада - беги,
от летящей пули - беги,
встретишь вора,
отдай ему ключи,
встретишь убийцу,
отдай ему оружие для убийства,
встретишь ребенка,
отдай ему своё время,
встретишь женщину,
отдай ей всё, что она попросит,
встретишь мужчину,
верни ему его первородство,
встретишь смерть,
плюнь ей в лицо свое семя,
просто беги,
беги, зеленый бегунок

Читать Теннесси Уильямса,
ловить благочестивый оскал
в звериных осколках,
всматриваться в Нелли Кэмерон,
смешливую двустволку из Сиднея,
за которой охотилась первая полицейка
Лилиан Армфилд...
И думать, думать о драконе Самуиле.
Он поселился в парадной на первом этаже, у лифта.
Пойти и спустить ему угощение, пакет с октябрьской антоновкой.
Нет, Самуил не любит яблок. Он любит тепло.
Чтобы его клали за пазуху исполинские люди.
Или хотя бы прижимали к мягкому животу роженицы.
Со мной он только соглашается покурить по сигаретке.
Прикуривает из вежливости. Но кладет зажигалку обратно в рот.
Еще ненавидит местоимения ты и вы.
Потом просто начинается утро –
опорожненные контейнеры принимают свежие помои,
в окнах напротив электрические рожки и чайники
за горшками с бегониями,
работники выходят на синий сумрак, уверенно летят на свет,
в будничной город, как и нырятьщики во тьме –
шагают безбоязненно, безоглядно.
Баланс сил восстанавливается.
Но Самуил обмолвился, что в справедливости смысла нет.
Куда важнее быть услышанным Господом.

всяк мысль, увы, здесь не нова,
мой друг, не так ли,
но все же было тела два
на том спектакле,
духовных вверенных начал
приняв до капли,
открылся им земной портал,
ну а не капри,
моченых яблок и махья,
и просто меда, -
свобода ведь она ничья,
ничья свобода

Мы долго обменивались телесными жидкостями.
Опаловая мать растанцевывала пальцы на рюмках.
Ты сказал, сумерки, скоро придут за нами.
Я тут же согрелась. На мосту Александра III ни одного туриста.
Надо купить табак и в витрине бутика на Сен-Мишель
пристально изучить текущую версию ты и я.
Успеть на стрелку. Любезничать с официантом.
Чуять, как морфинный дождь утешит окрестные лабиринты.
Увлажненные люди под зонтиками и без, с индийскими рюкзачками.
Прикованные велосипеды, жоли-фи в мутоновых пальтишках, гаммы
снов и слов в грибнице кафе под инфракрасными лампами, где
выупляются разговоры, расправляется дым, пищат клювы бутылок,
подаваемых втридорога.
Какая-то опытная ведьма разрешилась от бремени в эту ночь,
призраки так и шарят в толпе студентов.
Гинзбург с Берроузом медленно поднимают для приветствия
заточенные тросточки, метрдотель песьими лапами распахивает
окно на улицу, чтобы все слышали утонченное пение ангелов и рык
люцифера из цоколя.
Но все заглушает улюлюкание подвыпившей африканки, встретившей
посреди Парижа воришек из своего племени.
Старуха вытянула язык на пол-улицы и медленно запихала
перепуганных юношей в старый ситроен.
Потом все стихло, и мы поспешили в подземный паркинг.
На минус втором этаже не бывает видений, подумала я,
втискиваясь в перенабитый автомобильчик.
Глаза закрылись, и город схлопнулся.

к богу ведёт отличный автобан
сказал мне друг мастер Ди
тысячи полос
без ограничения скорости
как в Германии кое-где
удобные съезды
кафе и мотели...
в мотелях консьержи —
вот они-то сущие дьяволы

КРЫМСКОЕ

так ли светло в умах
этих постояльцев и бродяг
за одним столом
вино сигареты длинные утра поздние вечера

совместность неуместность слова вырубки зацепки
сцепки телесность пропадание рачительность языка
так ли светло в груди
потерянного книгодавца
на его опытной книгодавилльне
в виллах, знаете ли на побережье
такой быт такой жареный салат

мокрый купальник философствует на веревочке
человек в окружение виноградной засухи
и маленьких еще друзей совсем плох
наверное скоро ему конец

АТАРАКСИЯ \ ἀταραξία

1

я выхожу на улицу, где снег проржавел,
голубь сплевывает под чартерный дауншифтинг,
девушка в бесконечнокрасном шарфе лижет облако до самозабвения,
ее коронный узор перерождается снова и снова
в звоне стекла, сиянье бубенчиков, -
каждое грассированное «я» ударяется о воздух со свистом.

2

столкновение неизбежно,
гигантские доберманы карабкаются на шпили высоток, преследуя
догхантеров,
оранжевые рисуют мандалы, паря над бетонными скрепами,
свистулька с водой в животе с зажатым клювиком ходит по губам –
утешение умиление ненормальных,
мы бочки талого снега,
наши головы гудящие чаши.

3

выезжают титаны из снов,
аггелы солнца, ихтиотвари,
колеблется город существ,
тщится по переходам,
и бомбы с цветочными ларцами взлетают на воздух
под электронную музыку, словно пух,
если долго смотреть в пустоту,
становишься полым ветром.

4

все, что пугает, переживешь,
как полотенце в огне.

О ПОСЛЕДНЕМ ПАСТУХЕ ВО ФЛОРАКЕ

Интроверсии судеб – Марбург, Париж,
Думи прошлого, мутные камешки, точно тайные дети,
Взвеси людские болезненно хороши, – говоришь
Ты с раскачкою, – когда уходят погонщики на рассвете.

Взвой на заброшенном языке –
Жахнет огонь, солнце, как вымя пустое, ляжет,
Подколодезный конь в грудь ударит... смолись по реке
Поющей ночи, самой первой, о которой мало кто слышал даже.

Ее властительницы – мясоедки каменной наготы,
В вихре плащей, забродил, выцвел уж алый сок.
Вон, смотри, мальчик кричит с распирающей высоты –
Первоужас птенца и первовосторг.

Но бетонный ветер все тащит тягостный дар
Просителям глухоты в абитэ пластмассовых нор,
Слабые рты опутали провода, и серых орда
Неумолимо прямой высчитала приговор.

Уходят погонщики за рассвет,
Увлекая свой скот, песни сплевывая в ручьи,
Они уходят. Мальчик, не ведая страха и бед,
Все стоит и кричит над землей. Все кричит.

Д.А.

о чем вы вообще? искл из правил, искл,
искл, искл – кто их оставил, если не бог,
сатори, говорит опальный епископ,
искл божий, а не итог,

руби с плеч, говорит, цветы рви, милый, цви-цви,
когда человек стареет, ему не до приключений и не до любви

Крикки-крикки соловья,
Зуд лесного мотылька,
Звезды в небе муравья –
Угольком из уголка.
Почему такой голодный, бледью окаймленный дном,
Ты помстился чужеродный, ведьмой стонешь ты о ком?
Я давно тебе не мстился,
Ошибаешься дурак.
Я на влажных пляжах Стикса
Дрожу телом, как червяк.
Только серенький булыжник
Собеседник дармовой,
Старый бражник мой бесстыжий,
Соглядатай мировой.
Под булыжником лазейка в бесподобно ясный лес,
Где пасется моя змейка
Злыми искорками глаз.
Ты почто по тропам топким маки гнул по вене вспять,
До всетварного потопа кривотолки распускать?
Устремилась звонкоядно эхом высланная зга,
Пьяный лес застыл нарядно,
Да раздрай один в мозгах.

СИМБОЛИЧЕСКАЯ ПЬЕСА

пикассо играл в коммуниста
с ленцой мэтра, откладывал партийный заказ на последнюю ночь,
посреди вечеринки начеркал на клочке блокнота, -
а что ничего! а что ничего! а что ничего! -
заорали товарищи, потирая ладоши, - с этим голубем мы воспарим!
там еще женщина с кривым ртом и толстой ногой развязно приобнимала
голубку в оригинале. утром с похмелья убрали любовную тему из
непорочного символа, такая вот была цензура.
палома пикассо, палома пикассо, палома пикассо, палома пикассо!

на ранцах школьных затрепетала голубка с оливковой ветвью 70-х,
каждый советский двоечник верил – миру мир, даже америка знала!
да и в артеке в ту пору снег видели только рецидивисты, а не пионеры и
пьяные грузчики.

стал мир белым и голубым, белым и голубым,
стал ты белым и голубым -
общий детский сон!

послушай, франко, твои минотавры устали,
минотавров твоих склевали, минотавров твоих, франко, склевали!
даже дочь художника пикассо стала паломой,

а не герниковой, между прочим, а не герниковой стала палома, а не герниковой,
между прочим!

голубем матери благословляли всех мальчиков на войну.
трахнули пушки красный дом бах! черный дом бах! белый дом бах
бах в белый дом! бах пушки бах! пушки бах в белый дом!
ломали и праздновали, и прыгали, и летали голуби, торжественно и
победно думали дураки.

холодное дело, умыться кровью мечтает худой минотавр, в сефиротах

стабильности эйфория праведников, пальцы поигрывают на пусковых механизмах тьмы,
хочет чудище мяса, мяса свежего дайте, а то плохо ему, плохо без свежатины.

но вот подданные преклоняют колени - мяса приносят мяса, а сами в экстазе, пена из ртов пузырями.

а тут летят по городу оборванцы, окрыленные странствиями, стихами, жалкие фрики, разноцветные обломки,
ату их ату! – кричат уважаемые граждане.

ату их ату! кричат достопочтенные отцы и добрые матери, хранители очагов

чужаки они дураки, чужаки дураки они чужаки, что вы вообще, дураки, тут понимаете!

мяса ведь нужно мяса, какие тут нафиг голуби ваще!

перед чужаками и дураками построились зеленые роботы, роботов распирает от гордости, какое удовольствие гнать этих гадостных тварей, порочащих доброе имя великого человека,
поскорее бы распахать отрепье по чемоданам,
обрывки на весеннем холоде, кому они тут чего сделают?
и разве кто еще сунется?

кто выйдет на площадь? никто не выйдет на площадь.

разве кто выйдет теперь на площадь?

одни только дураки,

кто, вы - вышли на площадь? Кто - мы вышли на площадь?

на площадь, короче, на площадь,

все голуби пикассо уже там

МАЙ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО

Лубок лабает, караван идет,
струятся майские туманы,
заезжий пляшет идиот
с без-зумным лезвием в кармане.
Что правда, то раздрай и ложь,
все безнадежно и сурово:
на цыпочках душа истош-
но цепляется за слово.
Ни - вечного блаженства всем,
партикулярного прощенья,
треск проводов из микросхем,
слоится время.
Не монстр с зловонною губой
из детских дрем неотразимых -
безлицый шепчет над тобой,
и это так невыносимо.

не сплюнешь не ответишь
на украинский фетиш
но застрелили парня
хорошего вчера
кому небесный китеж
кому по маргарите ж
и застрелили парня хорошего вчера
кому джемаль гейдаром
кому кадыров даром
но застрелили парня хорошего вчера
лежит земля под паром
и обсуждают с жаром
что застрелили парня хорошего вчера
кому страна на стрёме
менты в аэродроме
а застрелили парня хорошего вчера
а он такой холодный как айсберг в океане
а думал что с девицей побудет до утра

наступил на гору
белый пастух,
пошел по поселку кошачий слух,
что вы помните, лапки мои?
где вы ходите, детки мои?
полощут котятков в протоке,
втирают в ранки мышьяк,
блестит месяц, за месяцем
сучья нить
во мраке, по шерстке шпарит маньяк,
я больше сегодня не буду пить

*I shall ride the parade in platinum car,
My feature shall shine, my name shall be Star,
Day-long and night-long the bell I shall peal,
And down the long street I shall turn the cartwheel.*
«Dance Macabre», Wystan Hugh Auden

Собаки за забором взвыли
одномоментно как в кино-
кошмарах старых было или
во сне лунатика Генон
с французским шарфиком на вые
на синеньком таком рено

Февральский диктор мозгорёбарь
за чаевые ест говно
и мир худой совсем не добр
есть будет был давно...
К чему утопии топиться
к чему истории истцы
ждут с топорами летописцев
вся сволота и трындецы

Тут не поможешь себе словом
не досчитать до десяти
ты перемолот и надломан
и больше некуда идти

живу на параллельном полустанке.
проветриваюсь в скрежете клинков.
ныряю в зеленые омуты освежиться.
тут в нереальности нет ни программ ни планов.
здесь можно простудиться и воскреснуть.
валяться в отливах неба.
мотать по кромке леса все полсотни лет.
свистеть дельфину в до мажоре.
не убегать не торопиться не хотеть.
здесь можно не бояться
крушения сущего.
тут даже невозможное неизбежно.
можно вурдалака испепелить хлопком ладони.
обратить снег в лоскуты сокрушающей нежности.
улыбаться мурашками.
получать шлепок веткой по губам.
тут всего с избытком.
птиц на проводах.
кошек на крыше.
упорных мотыльков на волосах.
цветков приспавших под землей до апрельского зова.
песчинок в толстом океане.
уродов.
таких как я.
тут вообще одни уроды.
если кто еще не понял.

МОЛИТВА

Не тоска давленника,
Не такая, как прежде, утопленника,
Не такая, как чуть раньше, утайника,
Не то, что бывшая лукамника,
Не брось камень в зачаявшегося,
Не брысь исчадившегося бесцельника,
Не ровняй пробзделого,
Не злопыхай на уматертого и ващезатертого, упоротого,
На преждена начальника,
На пабляду, на приблуду, на балантайку,
На робокопателя и чузлака не лезай,
Не постыди, не отсиль,
Не взгрызай,
Не убойничай,
Не молвись,
Не охолоуй,
Не окумирай,
Молись,
Лучей,
Излучай,
А не то по луне получишь, тварь ты бозкая,
Дуболом, дурачок, аминь.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПАМЯТИ

памяти М. Стр.

священные соки юности: запах вайна, косяк в туалете клуба,
поцелуй в парадняке,
неловкое движение ладони к мальчишеским ягодицам;
музыка - небесный рупор, противоядие от всех тревог -
защищала, и ночью знобило только от избытка ощущений -
какие тревоги, последний класс или первый курс?...
«Я знаю, я буду певицей,
родители уверены, что юристом;
и этот мальчик, что меня добивается, добьется;
я буду гладить ему джинсы, потому что ненавижу мятые;
я рожу ему дочь такую же хорошенькую,
чтобы он любил ее без памяти,
даже когда я убегу прочь из прямоугольного дома,
и колесная лира поведет меня по разным странам,
я буду красить губы вишневым соком,
я буду петь нежные песни тонко и с ледяной печалью,
на сцене в Париже в Тель-Авиве, свежие цветы в гримерке -
потом их быстро снесут на кладбище, куда меня мучительно
с зубным скрежетом затолкают маленькие злобные карлики,
поселившиеся в солнечном сплетении.
Мои локоны неживые красиво раскидают по бортам тесной
лодки, кулаки разожмут, и красиво положат пальцы на грудь.
Я буду без всякого дыхания покорна и молчалива. Кто вспомнит,
кто скажет в последнюю минуту, когда мокрые комки гумуса
будут пихать мне на лицо, кто скажет: как во мне песня смеялась
и пела, какая песня в меня играла» -
люди становятся знаками на отдаленных шоссе,
с тех пор как выросли безоглядно, все что остается -
читать интернет о жизни и смерти, смерти и жизни

далеких и неправдоподобных нас

Зыбь таежных болот, топь железом скулит,
маневровый свисток, ледник на кадарской реке,
у якутки пурпурный рот, у проводницы болит
в высоком виске о спивающемся проводнике.
Через общий вагон сквозь единую участь идти,
одним глазом подсмотреть свою смерть за окном,
где кипящее небо взывает из-заперти
восток, с которым мне заодно...

Когда леший, опаздывая стрелки перевести,
в Юктали бледом выл и сердце мое жевал,
по БАМу гудело: помилуй, Господи, и прости!

и мой жеваный прах оживал...

из миллионов братств
в кольце сект по секстам и сексу разобрались:
прохавиты ядрицкие в парадняках,
треногие огнезаводы новых нано надежд,
прабачки на передовых, как обычно,
прелюды и их мебели, расставленные по пяти сторонам,
великанши и их способность ногами вверх взлетать и приземляться,
бессонные додурии, веками зрящие колесо отчаяния,
чтобы оно не рухнуло,
следоеды – такие отшельники на горах ничтейные,
остроухие вспышки солнца - двудольный плод оборванной радости,
мудоросли - что кровью смывают пятна с вечного чела
- антиакт нелюбви...

ПИТЕРСКАЯ ГИЛЯ

ты почитай секацкого
там человеку крышка
философ такой ласковый
да не проскочит мышка
не тереби за лацканы
не трогай мужика!
секатором секацкого
нам всем секир башка
какая же ты адская
секира у секацкого!
у прогресса весь регресс
отвалился и облез
приходи к нам в темный лес
коль не ангел и не бес
не объект и не субъект
а сомнительный предмет
будет сечь тебя секацкий
да по гегелю гонять
даже гелием надует
сам научишься летать!

*And so dear friends,
You just have to carry on,
The dream is over.*

John Lennon

божье шоу пылает в костях,
божье шоу пылает в мозгу,
божье шоу во всех новостях,
божье шоу в левом боку,
потя и преля скорее бегу:
божье шоу на том берегу,
куда кто спешил, к чему кто пришел,
бежим, спотыкаясь, на божье шоу!
само, точно режет пространство ножом,
восходит светило на божье шоу,
всетёмная ночь, сама не своя
на божье шоу летит, просияв,

даже если мой Бог – концепт -
не мешай мне дослушать концерт!

ИГРА В BASIC

в таких случаях
говорят еще if,
ставь в строку, приказывают, пакуй этих,
так продвигается миф,
мальчик считает, что скиф
он. нет, эльф мировой такой третьей,
кто-то обязательно вспомнит: then, - говори, - then,
руби своё нетто и прекрасное нечто,
лакали вино с Руми, въезжали с Мао Цзэдуном в дзен,
а так и не выяснили, случались ли стрелочники на конечной.
смотри, девочка говорит, БДСМ
оружие массового самовыражения,

еще паренек мечтательно поглаживает свой ЭВМ,
для микросхем он карающий бог,
и никакого выхода он нам не оставит,
даже самосожжения

ШЕПОТЫ И КРИКИ

мы призывали дождь
под песни наших женщин-обезьян.
мы призывали дождь
под писк наших голодных детей,
выползших из лесов.
из наших ртов шла пена от натуги.
ладони распухли.
прогнили стопы.
наши лица почернели раньше времени.
красными стали животы.
зачем вы наводите беду? -
кричал мудрец, - на эту землю,
отродясь не знавшую Дождя, сами не знаете чего просите.
и мы набросились на него,
и каждый смог утолить ненависть по несколько раз.
когда его зубы перестали скрежетать,
мы снова призывали дождь.
когда одни падали замертво, на их места вставали другие.
мы знали, что нужно быть упорными,
и все были упорными.
и в исступлении целовали землю.
и вдруг он обрушился,
бесподобный.
и растоптал нас.
прошли тысячи лет, а мы все трепещем: ведь мы познали дождь.

Говорят стихи

не могут удивить (потребителя) не могут убить (бактерии) не улучшат вкус (обеда) не изменят (тело) не модернизируют (город) не развяжут (войны) не остановят (поезд) не сулят (богатств и удачного брака) не дают никому (никаких дивидендов) хотя бы толики смысла или чувства прекрасного тоже они не дают особенно такие стихи которые сейчас читаете эта правда мне по душе я готова ее повторять тысячу раз стихи не могут не могут не могут не могут то то и то не могут не хотят не будут не должны.

Оттого-то они так хорошо себя чувствуют.

КАМНИ ДЪЕППА

Проформа: злое убоится смехотворных нас,
и предикат: у мест есть шифр,
тех, что мы любили -
мы целовали, так что
вставляли мертвецы, на мост шли толпами и нервно напрягали спины,
так что трещали сваи...
ты зацени, какие восхитительные камни привезла я в сад из океана,
в них косноязычные детишки попрятались и ждут.
на лавре пот молитв жизорских праведников
подземный проступил.
но ты об этом ш-ш-ш!

Под попсовую музычку света
Под рапсодию тяжкую тьмы
Мы танцуем как две сигареты
Угольками смыкаемся мы

Вальсы севера танго юга
Стэп хип-хоп балало раз два три
Мы вдыхаем вдыхаем друг друга
Пока полностью не прогорим

Не злодей не гора не история
Кто-то сверху плюет на нас
Попадаем с тобой в категорию
Распрекраснейших из проказ

Микрокосм макрокосм на нас дыбом
Твоя грива в пепле времен
Я как древняя хитрая рыба
Увлекаю тебя в океан.

Там не черт и не ангел и прочие
Не отловят нас рыбаки
Лишь в бескрайний зияющий прочерк
Кувьркаются угольки.

им дали в полночь по стволу
сказать не рыпаться
и растеклися по столу
хотя бы выспаться
ты расчехлился очень злой
еще обдолбан вдрызг
а в воздухе не песий вой
а бабий визг

ПЕРЕБОИ В СЕТИ

1/

фитильки богоделен
ощетинились

2/

человечки
отчаянные
повывелись, чувствую как
отдупление, одичание
микросхем, - все порожняк,
изображение ожило
на пиру упразднения человека:
обналичились, а не обожились,
не чеку дернули, а утерлись чеком

ЧЕЛЮСКИНСКАЯ, ХОДЫ И ВЫХОДЫ

Какие сомнения,
без соломки и марочки,
батла и плюшки,
линии электропередач
иногда обрываются
под тяжестью ветра и льда.

потом прилетит грузовик в деревню все починит и улетит

Тогда в сад причаливают Изотомис Редких Огней – зауютить крыльцо,
Эзотерический Запах Белого Волка - мять тореные тропки.

15 лет тому назад волк заставил подпевать ему в голос,
мы лежали на обмороженной антоновке,
и пятимерные капли темноты падали нам на лбы...
не то, чтобы он обещал не пускать в этот сад чужака-вурдалака,
не пугать детей, не трогать пьяных,
а так с той ночи и гуляет под яблонями в отрицательном измерении.

На верхушках сосен привяжут свои плоты Нивидлы и Вакхдали, -
лучшие друзья, друзья лучших друзей моей памяти,
заворочается поддомная турбина старости почв,
атонально закашляет фундаментальная молька -
выпрашивать молоко для котов,
они наскребли ее лапами в дом, теперь это очень преданная молька.
Забьется сердце в печной трубе, не знаю, чье,
как будто из пепла лоза поднимается.

потом прилетит грузовик в деревню все починит и улетит

лес наваливается черным комом, хорошо, что корни крепки пока,
мечется, протестует, незлом давит,
но и недобром тоже,
ему не нравятся провода и столбы,
эти тоскливые сплавы квазиветвей, пахнущие палевом,
эти бетонные корни – обрубки,
ничего нету хуже, говорит лес,
слышать этот отвратительный запах подлой тоски всего неживого,
хуже падали.

потом прилетит грузовик в деревню все починит и улетит

Какие сомнения,
линии электропередач
иногда обрываются под тяжестью рассвирепевшего пня.

д.д.

мой брат суров и лаконичен,
приехать, выпить, разобраться,
что делать, если код двоичен,
и мы двоимся, если вкратце,
приезд-отъезд, сигарз-вино,
последний вруб недосыгаем,
когда нам станет все равно,
эффектно так мы запорхаем.
дадут не пращуров почет,
а воздух струйный под вожжами,
замашем лапками еще,
а кто освоится – ушами!

вообще-то, кино было про бывшего водителя трамвая, маргинала,
который спас от чумы деревню.
раскрошился хлеб на столе -
жизнь ушла
испекли хлеб -
возвратилось благополучие.
дзинь, колокольчик, дзинь!
девочки хихикают на кухне,
мальчики пьяно смотрят олимпиаду,
уши спутниковых антенн на избах хлопают вслед скорым поездам,
в поездах кисло пахнет органическими веществами...
водитель трамвая умер, конечно,
но за кадром подразумевалась вечная жизнь.
дзинь! колокольчик, дзинь!
девочки варят варенье,
мальчики рубят дрова.
слышно, как в самолетах переговариваются пилоты
они говорят, небо забито под завязку.

Брахману

Штопать вышивальщикам узор,
вор, трубач с чахоткой, фантазер,
что споешь тут нам, Аполлинер,
чепушилам, топай под тропой!

холодно на блататной манер
жить сермяжно жуть - и без химер,
коридорный ангел шмали, пой
грудь мою пробитую взახлеб,

трубы зазудили, братец мой,
оттрубили братцев под конвой,
без балды и бл..ства только чтоб,
со свету слетаем почем зря,

наш горячий в испарине лоб,
воровская черно-красная заря.

Северозапах восточнояблочный задул
дамба прикрыла гланды воскресной реки

Этой осенью, а такое уже случалось, мы загружены чувственностью
под завязку,
жизнь состоит лишь из поэзии и секса,
с нами теперь появился третий, вуайерист,
он валяется и курит общую сигарку,
неустанный и неостановимый,
болтает весь сумасшедший за наперстком жаркого кофе в бистро,
обнимается с нами на галерке,
мчится впереди всех по набережной,
где нас, велосипедистов,
порой сносит от ветра,
а порой несетя наперегонки с танкерами,
крадущимися по реке;
шепчется с нами о ерунде,
о сокровенном,
а мы переглядываясь слушаем его звучание,
он то постанывая, то философствуя, целует нас своим длинным языком,
вдыхая запах едкой осенней патоки.
Наш новый прекрасный любовник, СПб.

ПОНЯТНЫЕ ТЕКСТЫ

1.

Готские литвы запечные
рцы
ольнодумися
духовидася
нехуясе

2.

Ты нырок без лишних брызг
такая безднатая картинка

3.

Мерц
Кач
Вздох

4.

По отрицательным склонам идут поезда
Со всеми остановками
Круто-то как.

5.

Разговор с растерянным моллюском внутри раковины
Бывает и такое - о луне

6.

В устройстве слишком много песка
В песке нет смысла
один только мем

7.

Опять бессонница сама в себе
как барабанчик мантр,
Сухое стуки-стуки
Вращает полый круг,
Я что-то упускаю, упустила,
Так редко на коленях
Счастливлюсь ясностью тебя.
В заветной праоблачный эфир
Держу, представляясь всезабудкой,
Я снова буквы прошиваю,
Сама легчайший сбивчивый игрок,
Бесстрашные слова,
Я что-то упустила,
Крошатся так легко
Мои упрямые лучи.

8.

Ты говоришь: кристалл,
по граням движутся не стражники, -
свершенные пропорции текут до срока,
в лучах кристалл шевелится, как жизнь в утробе, тьма и кровь.

9.

Внутренняя глушь
....., ..., ...
Разрастается.

10.

В чаше чащ ходил
Дикая глина, плод сам в себе,
Вот и надкусил самого себя,
Вот сладостно красно стало во рту,
Вот ангелы мне трубят
На хвостах комет.

11.

.....,
Шумно и темно в брюшках древних пчел.

MEMENTO

лев пожирает своих детей,
лев пожирает своих детей,
кровь только плоть винограда,
в ограде живем его прочных когтей,
в сиянье гипноза его скоростей,
отражаемся, мирное стадо,
отражемся, глупое стадо,
отражаемся, доброе стадо...

в гриве гуляют ветры морей,
парады планет, ссаных парадняков,
полный времени рот, и борей
натирает белую силу клыков,
плавным вращением облаков
размывает правду клыков...

автор истории для дураков,
живущий за счет недобрых вестей,
помни, pamiętać, ركذت, याद, memento:
лев пожирает своих детей,
не знающих силы огня,
зато он уверен - ему конец,
если не будет тебя и меня,
не будет тебя и меня.

Подступает осень. Музыка. Мусорка.
Ночь идет небелая с сексуальным пузиком.

ROSES BAR

Роза севера, все лёгкие в иле, -
при флажках и фуражках серые корабли, -
на каленом игрушечном шпиле
солнце кажется голым,
но его плохо видать с земли.
жму на педали, волосы взмыли,
за левым плечом свист да бубнеж,
там нечисть растёт из асфальтовой пыли,
как ни крути, пробирает дрожь,
гоню с Литейного, по Шпалерной налево,
сигаю в пустой ненадежный пролет,
где затейница превращений, подвальная королева,
мне полынные капли с улыбкой нальет.

ОБ ОДНОМ ОРГАЗМЕ

покажи ключи, отпирающие тело тебя,
покажи мне шифры твоих бегущих мурашек,
брось мимоходом пароль, за которым необъятность вдыхания всего ты,
где напряженные хорды кровеносной системы
и ее посланников из нездешней радуги,
все лучистое подвздошь твоё,
нейроны, что шепчутся в смолистом вакууме и закусывают удила,
будто дети грызут печеньки в сокровенном чуланчике,
где трещат нерожденные еще мысли и сподвижные им извивания языка,
дай дотянутся до твоих бедер,
где с винтовой башни слышатся гимны,
где рисунок пор, маленькие щипучие зеркальца,
где дрожание молекул, сладострастные молоточки рояля, гремят,
и мое сердце наливается острым соком,
ты поворачиваешь ключ,

там ни двери, ни тебя - только ветер в темноте

ИЗ ТЕЛЕФОНА

1.
Внутренний человек ушел на майдан с ведром на голове.
2.
Метель Александра в 6:30 утра греет ноги в печных трубах малого мраморного дворца на Гагаринской, превращается в косой ливень по периметру города к 10:30. К вечеру Александра перерождается в ураганчик Билли, дующий по Фонтанке с Невы.
3.
Хайратые инди-рокеры на тайной вечере. электронный носитель, техника смешанной радости, Иуда обкурился и не донес.
4.
Своевременная диффузия человека.
5.
Трахаться до дрожи в ДНК.
6.
365 дней прошло с тех пор, как инопланетяне высадились на Антарктиде. Международные организации в первые же часы скомпрометировали себя и были немедленно расформированы, нервные переговоры с земными правительствами, всеми, кроме КНДР и ИГ, также оказались малоуспешными. Сценарий конфликта на Украине с последующим ее развалом и началом Третьей мировой войны оказался удачным масс-медиа маневром для отвлечения внимания земной общественности. Невероятно, но за целый год в прессу не просочилось ни единого достоверного факта об истинном положении вещей. К Рождеству удалось прийти к консенсусу и собрать для пришельцев необходимое количество мела. Они уе*али.

7.

Симптом сетевой интоксикации: чувство лайкового мира вокруг.

8.

В прошлой жизни я была косточкой, самореализовавшейся в вишневое деревце. К концу жизни, медитируя верхними веточками на рассвет и почесывая корни о камешки под землёй, обрела чувство реальности и способность к мультисатори. В результате чего остаток жизни вела интереснейшие беседы сначала с птицей, затем с человеком, которому было тогда около 10 лет. Птица советовала мне отправиться в путешествие как-нибудь и рассказывала об увиденном. Человек рос, беседы становились все более философичные, он страдал оттого, что его, меня и птицу ждет смерть. Однажды птица не вернулась из своего путешествия. Спустя 50 лет меня сломал ураганный ветер, человек сделал из моих корней курительную трубку и брал её всюду с собой. Но я уже сама переродилась в человека. Когда пришло время человеку с трубкой умирать, мне было почти 18, я потратила немало сил, чтоб найти своего старого собеседника, наконец я отыскала его в одной районной больнице. Он умирал без мучений, почти в полном маразме, впрочем когда я нашптала ему фрагменты из наших бесед, он будто встрепенулся, сел на постели, облегченно вздохнул и умер. Я взяла из тумбочки трубку и вышла из здания. На автобусной остановке было безлюдно. Я громко свистнула, заработали автомобильные сигнализации.

9.

Питер: большая разночинная
пирогова
площадь репина калинкин мост
четверть пирогова 28
от улицы декабристов
синагога лермонтовский
ом лоцманские бани

10.

Смотрящий ветер сел на реку
электрические рукопожатия полыхнули

11.

Пустыня оплакивает свои песчинки.

12.

Умножение на

слышимое и неслышимое

возможное и недостижимое

дивное и непознанное

говорю же: тут ни о чем, нечем, так вот и нечего

Вдогонку эхо нам не взмолвит,
Вдогонку ветер не пришепчет,
Сознание темно, как взморье
Зимой, эгоистичной сучкой,

Что там дитя лепечет, ручкой
Тилиская бобы какао,
Увечья наши не случайно
На фьордах неба отступают,
А я пишу и джин лакаю,
А я внимаю секси мюзик
Курящихся бла-бла, какая
У этой девушки улыбка,

Как будто боже отдыхает,
Как будто прощена ошибка,
Упрощена задачка, Каин
уснул

Обычное дело:

Подъездная классика,

Парадная выездка юности,

Походная вылазка середнячка.

Блеклые ночи - сонные дни

Для сосчитавших до ста.

Потом, говорят, следует преобразование,

Субстанция становится субстратом,

В космосе бежит кровь,

Жилы состоят из красных светил,

Кровь из помета астероидов,

И только голоса в голове намекают,

Что все это снится сытой кладбищенской почве.

ПАЛИНДРОМ НОЧИ

мы миров тоска к сотворимым

ПАЛИНДРОМ УТРА

О ад ты сыт дао

ПАЛИНДРОМ ВО СНЕ

'шил на гром или туман а мутил им орган лишь

от осеннего сплина
эпизоды из звездных войн - что надо.
прогнившая республика – хитовый имперский гимн -
республика с ровными красивыми зубами,
идеальная раскадровка будней с третьей мистической:
каждый джедай попадает в рай,
клон идет под уклон, император низвергнут в шахту,
к своим орденам и шахидам,
племя имени Жана Руссо на лесистой планете
выигрывает решающую битву со злом,
таким непривлекательным.
салют над вселенной, ура.

но на прогулке с собакой выяснилось:
Дженис Джоплин в наушниках все же лучше

с удивлением смотрит, как она вонзает в рот горячий язык,
тело, которое комната, зашитый мешок, пиротехники пшик,
тело, которое изменяет, лживо как электрическое тепло,
наглое, непостижимое, свихнутое ветровое стекло...

кто строил подвесные сады,
услаждал мятой отрубленные головы дикарей,
кто пел песни своих матерей, простоволосых, босых,
окуривал ладаном, приносил в жертву жирных гусынь и курей,
гвозди точил о камни, чтобы храбрей держаться у забитых дверей,
нравиться в заплёванных зеркалах,
плевать на страхи липких жрецов, прах праотцов
полоскать в долгих ветрах,
— прав ли живой с сутулым лицом?

в городе сломанных линий —
неоновых лилий, карамельных дьяволов, —
пьяница с глубоким рубцом на щеке,
с одноруким ящиком накоротке.
в городе изнасилованных подземелий,
зубоскалящих параллелей,
проспектов,
и прочих респектов на графитовом языке...
на асфальтовом сквозняке холодно псам,
засранным чудесам — причастны ли мы? —
мусорщик закончит всё сам,
распевая псалмы.

СКАЗКА ПРО УРРА И БЕГЛЕЦОВ

посв. А.П.

*всякая мысль - пыль
взметнувшаяся в луче
без света мысль только грязь*

Она говорит:

я быстрая:
оборонила
острым углом слово, проломила землю,
удар подобен новорожденному божеству,
на ребрах пыль, в волосах ягоды клюквы,
под лопаткой - прошлого пар,
магнитная стрела неведомого
и кипяток настоящего,
пар улетает к небу,
магнит молится северу,
кипяток плюется матюгами,
свисток напевает неаполитанскую песенку любви,
где я теперь?
я на мгновенных бегах.

Он говорит:

я издалека дышал,
из вздоха родился,
леопард по имени Урр прорычал мне секретное место,
я отгрыз пуповину и побежал,
вскипел ум,

жажда в меня вошла
и нежность,
я добрался до места,
посидел покурил,
попил из люльки реки,
тут леопард по имени Урр снова прорычал мне одно секретное место,
я отгрыз пуповину, побежал под бомбами молитв,
открыв рот и высунув язык.

Урр говорит:

моя мать с белыми змейками танцевала на празднике Предчувствия Бурь,
юношей я знал десять тысяч наименований земли,
я прошел воображаемый лес вдоль и поперек,
был стариком и костями, потом узнал человеческие следы,
я научил одного молиться,
другого молчать,
третьего мне пришлось спрятать под деревом до лучших дней,
я спал, я проснулся, я никуда не иду, но все приходят ко мне,
Уррррррр!

Оно говорит:

что не говорит
оне
бо.

Она говорит:

поймаю Урра за хвост.

Он говорит:

дошутишься! Урр проглотит нас, если уже не,
- мы вообще-то в его лодке!

Урр говорит:

только что над нами пролетела ракета,
хочет ударить в самое сердце,
но сердце давно спрятано в секретном месте,
и пока что
его не уничтожили.

Урр прощается, опрокидывая пустую скорлупку:

в живом сердце -
живой бог!

И они побежали.

Когда
он и она
бегут -
в заброшенной пятиэтажке женщина-свеча молится о странствующих,
старуха-печь плачет о заблудших,
а на деревянных небесах порхают лики,
пока никто не смотрит.

люди скачущие за счастьем
завели как часики
заели в суши-бар
свое прекрасное
будущее
будущее базар
будущее кумар
будущее товар
лакомое незнакомое
ласковое
искомое
матери и отцы
матери и отцы
морщины стирают с глаз
матери и отцы
никто не знает правду о нас
единственное доказательство что мы не мертвы
матери и отцы
наши прожорливые птенцы
матери и отцы
вечноголодные большеголовые радостные птенцы

Мы корм, Господи, твоих вечных светил,
я видела поля, видела всходы,
приплод подходил,
занимался ветер,
зерна пели хоралы,
брызгал с усердием виноград,
набухали матки,
тревожно стучал в темноте аромат,

малые дети подставляли навстречу рты,
на языках белели язвы стыда,
стыд зарывали в землю подпоясанные крестьяне,
их прозрачные крылья сохли на задних дворах связанные
или где-то лежали припертые тяжелым камнем,
проложенные соломой,
обезображенные потерянные.

Мара несет своих мертвецов,
щучит сок из шершавых сосцов,

знаки выуживает на живца -
начетчика, на чтеца,

их оборотные прописи
ртов шевелящихся, прорези

битых матриц, где qui pro quo -
громадьё, не значащее ничего.

Нежизнь и нетело, шелест и тлен.
несветь и нелюди, верные признаки,

.....
хотелось кричать. потом стало лень,
что делать, они не знают,
что давно уже призраки.

Как происходит старение молниеносцев?
пританцовывающим человечком в конце улицы,
исчезновением смычковых из партитур,
только низы из подземных сфер, amour blessé,
не помню, говорила ли я тебе, моя милая саламандра,
какое вкусное было мороженое в ту ночь - с облачком дыма во рту?
а какое еще будет?
вневременным этого не понять.
всем привет.

новостные ленты пишут что
в бороде микробов не меньше чем в унитазе
новостные ленты пишут что
смертная казнь необходима
новостные ленты пишут что
из горящего ferrari выбежал ребенок и скрылся
новостные ленты пишут что
повстанцы под видом беженцев
проникли в Ватикан и лизут языками позолоту фресок
парчу папского трона
все затаили дыхание чтобы
поглубже вдохнуть забытый и возбуждающий смрад похотливых самцов

новст лнт пшшшш!

НАШИ ДЕТИ

они говорят
бомбануло
а мы говорили
зацепило
еще мы говорили обдолбанный
а они упоротый
вот и вся разница

заходило приличное общество
на площадь,
где разные топчутся,
что вы тут топчитесь, -
интересовались приличные, -
не полицайте, -
толкались уличные

заходило приличное общество
на рынок,
где рыла топорщатся,
что вы, рыла, на рынке рыщите, -
интересовались приличные, -
собираем наличные, -
рыкали рыночные...

заходило приличное общество
в дом с перекошенными наличниками, -
что наличники такие худые, -
интересовались приличные, - даже мох не растет!
и не успели кликнуть подмогу,
как разноликий цап их -
и облицевал,
и различил

О юности, наркозе, о подростке,
О дольче вите, о стреляющей дубинке,
О почках, вопиющих под сурдинку
По совести, по памяти, по шерстке.
Что позади? Телесности урчание.
Что впереди? Посмертная страничка
В фейсбуке, где друзья на личку
Безличным отбазарятся посланием.
Там будет в цифре кот и космошлюшки,
Мультяшных смайлов сотни лайков бойких,
И я такой бессмертный, смелый
Мертвец по пояс на экране, душка,
Отправленный по ссылке на помойку,

Но это, наконец, всего лишь тело.

За пеленой марево за маревом пелена –
раскалываюсь в дым, на газообразные плевры и племена,
в семиотические линии, пустые остовы от моста,
в головастиков с улыбками на хвостах,
в стены веществ, толпы существ, взгроможденные на попа,
я омываемый безвоздушным ветром влитым
липкий прах, и я вижу: лежит тропа,
мне страшно, но я знаю, что это Ты.

О/СЕНИ/СНЫ

Не то ветрит, не то мертвит
намедни медный люд, и клюдь -
мне медом замешала стыд
с холодным воздухом на грудь,
моя бесстыдница рыжа, -
бесполо полонит мне рот,
у клена черенки дрожат
под песни матричных сирот,
я в тех садах под молвь и мовь
свистулькой крепкой вдоль границ
плыву, и гроздя ягод в кровь
стекают с темных клювов птиц.

ПЕСЕНКА ИЗ ДАО ДЭ ДРЫН

А. П.

Ты там – ты тут, челночный плут,
Что плугом камни бить?
Вот захотел, пускай плетут
По шелку твою нить.
То ты – восток, прослыл в астрал,
В излом и пот ночной,
То татский и нездешний враль -
Гремучей взят весной.
То там твои, то тут твои
Летят плевки в цвету -
воскресным воздухом в крови,
цыгаркою во рту.
Ты в изумлении своем
искусно заземлён
под белый луч, и чернозём
тобой запечатлён.
В отрыв – открыть в окне окно
и распечатать Дон,
врубить дорогу как кино -
видением вedom,
то там, то тут, не это – то,
но вовсе не итог,
полнение листвы, исток
под лунный сапожок,
гляди на оборот ключа...
из скважин дурью дуй,
весь ты, который сгоряча
влепил мне поцелуй.

Грифоны едят графоманов
заблудившихся в /елисейских/ полях
а нимфоманок традиционно
поглощают нимбы святых

СЕСТРОРЕЦК

Весь первоцвет, весь первомарт
вдыхаю с миром на ветру,
канаю без дорожных карт
и всякую ору муру.
Считаю трещины на льду,
залива скользкий зумуруд,
ледышкой мокрой пробреду
за черный котлинский редут.
Верст накрутив на верстаке,
весна ликбезом по кривой...
ликует рыбка в косяке
и не боится ничего!

ПЕРВОЕ КОЛЬЦО КОЛОДЦА

У фарцовщиков – хрипуны
распальцованные,
у салопниц – блефуны
мелкотравчатые,
у светелок - леденцы
и дырка в бублике,
и ревут на мосту химеры
на радость всем бомжам.

На радость бомжам пара-ходики идут тик-так
и плюют в мужиков бутылками с недопитыми думками.
божий мужик думки эти выхватывает как наживку,
губа в кровь, да крючок в карман кладет.
Тут-то к нему и подваливает кат, сядет рядом и молчит,
морошный такой,
за левым плечом у ката топор, а за правым - Сфинкс.
Сфинкс всегда плачет,
рядом стоит его госпожа в строгом ошейнике, с белым волчьим глазом,
она всегда бомжиков приобнимет, обласкает.

Что, говорит, божий мужик,
холодный асфальт согреваешь?
что, божий мужик,
как ужик усох, боком вьёшься к реке?
в реке сладкая вода,
над рекой яр колом стоит, на вершине звезда
и колокол -
светят всем, кроме хрипунов,
уж больно они вонючие.

Скажет и уходит по поднятому мосту.
А божий мужик за ней просится.

Она возьмет одного, самого плюгавого, самого хиляка,
остальным подмигнет надеждой и адьё, нет ее.

.....

А начиналося всё
с дырки в бублике.
хрипуны же ей позавидовали
и сказали: вот зараза ты, бублик!
в бубен бы тебе дать,
но мы, хрипуны, боимся.
и задышали пакостно,
из бублика родился свет,
а потом раскрылась тень,
чтобы было где отдыхать.

Так и залегли бомжики - в тень бублика и стали воду из реки черпать сапогами.

Тут такое началось! Не в сказке сказать, да вы все равно не поверите.

ВОДРЕВО

Кологрив, хоровод хромосом,
в невесомости ты колесом,
на зов неопознанных раций
непознанным хочешь остаться.
Но эльфы, оранты и альфы,
сжав под землей ладони,
костяные щекочут арфы
незнамо какого Она.
Языков ползучие эфы,
почек нетварные рифы,
болтает в шакалках эхо,
зыркает мои шифры, -
тщатся ветвисты руци
до пяток клыком дотянуться...

гляжу - восседает сука,
не издает ни звука,
во лбу незвездат - колодец,
и не собратся духом,
стрёмный кругом народец,
невротец с звериным слухом –

долгий сытый колодец
из камня и праха,
ныряю – и ветви колотит,
колом стоит рубаха.

под корнем младенца кроватка
пустая с подушкой и соской,
погремушки, на палке лошадка
скачет, залитая воском.

ТЕКСТ ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ

Чупокабры украли нашу девочку.

Вот говорил один умный зануда тогда - добивать,

А мы побрезговали, не захотели мараться.

Аннигиляторы сбросили в быструю воду и пошли домой, помните?

За столько лет вообще забыли об их существовании, как выглядят, как размножаются. Разучились стрелять, разъелись, разжились, утратили чувство реальности.

И что мы теперь, и куда?

Они лелеяли все эти годы матку, свою королеву - в платиновом ложе, под гусиной периной она дремала и ворочалась, только зубы скрежетали.

Она вырастила совершенное неуязвимое тело – ее войско, клыки сияют, броня источает ртутные пары, отчего в детские сны поднимается ужас.

Помните, мы дернули на юг,

разбрелись по пабам, смеялись, торжествовали.

пестовали нашу свободу, диковатую и вздорную нашу девочку.

Сколько молитвенных песен мы спели!

Какая была девочка, помните? Забыли уж что ли?

Ну, такая – веселая, с ситцевой фенькой, в джинсовых шортиках, узкие щиколотки мелькали в такт гитарному бою...

Народ, давай вспоминай, это ж не сон был, наша девочка!

Они закатали ее в асфальт. Но прежде они смешали ее золотые волосы со смолой, вырезали на лице гнусные символы, заимствованные у призраков из зиккуратов.

Слышите ее угасающее пение?

Они вернулись, пора браться за дело.

ВОСЬМОЕ МАРТА

стайки женщин в люрексе заказывают шампусик
пахнет похотью и шовинизмом
о небо! спрячь в недосмотренных снах

В ГОЛОВЕ ВАДИМА РОЖЕ-ЕЛИЧЕВА

1/

Какая узкая улица
бесконечная засквозила,
упирается в радугу улица,
на радуге ждет верзила,
сосет лениво конфетки,
присмотришься - не конфетки,
головы на монетки
он складывает кропотливо.

бесконечно узкая улица
наливается соком и проком,
уходит к радуге улица –
распахнуты ее окна.

2/

В сердце дрогнул ветер, дыбом
встали шоры от ветвей,
пахнет древним красным дымом
с неба - ангельский трофей.
Vita brevis, мой Сенека,
мы читаем по губам
тишину, такая нега

открывается

3/БОЛОНЬЯ

Болонья облака
облатки оборванцы
все темные века
шатаются по плацу
проходим во хмелю
то призракам то духам
еще чуток налью
любовных песен в ухо
шагаю из себя
во тьме держите вора
и громче с крыш трубят
ragazzo per amore!

4/

Ночь натянутых простыней,
кинопроекция то сверху, то сбоку,
окна – коконы, а я думаю все о ней,
насмешливой, что любит свет далекого Бога,
а я думаю, вот встречу ее,
она обовьет меня своими ногами,
а я думаю, вот узнаю ее
среди скачущих по алмазно-графитовой амальгаме...
она будет смертна почти, как и сам я почти бессмертен,
она будет бессмертна почти, как и сам я почти что смертен.

среди спящих тел
и сваленных простыней
над городом я летел
не спеша. И думал о ней.

5/ НАБЛЮДАЯ ПОЛЕТ СВЯЩЕННЫХ ПТИЦ

на вульгарной латыни
седовласый старик,
серебряная голова, каменная голова, плачущая голова -
кричит мне:
все стропила на небесах
склеены из наших ключиц

увечная весна
тебе тебя твои
крюки - крюки уда - блесна
уключины наив
ты кровяной комок
ты ковок груб и мним
но ты но ты
ты - не одинок
хоть и совсем не зрим

МРІЯ МИНОТАВРА

такая она непристойная, летит к своему минотавру,
лающий минотавр в ракушечном лабиринте,
красная ласка зари, цветущие веточки лавра,
жесткие веточки лавра, корабль трубящий отбытие...
...мрія вечноголодная, попсовая песенка таврия,
гиблая песенка таврия, даром смола кипела,
даром шипел огонь, пока токами не ударило,
он брал ее гибкую талию, любил ее белое тело...

Шутовство да шумство,
солнца краткий всхлип,
тело - только чувство,
что серьезно влип.

Освежаю голову
мыслью ледяной,
время - вымя полое, -
млеко, кровь да гной,
Растопи, истошница,
распиши тоску,
смертную и тощую,
что в моем боку.
Око перекошено,
заблудил чуток,
пошли мне сны хорошие -
лучше на восток.

ПОД ДЮНОЙ

В этих дюнах
в этих дюнах
живет некто твердоюный
пахнет рыбой и черникой
янтарем и сердоликом
даже если дуют весты
кратковременные-зюйды
он стоит как столп на месте
и не двинется отсюда
год за годом
дюйм за дюймом
движутся по кругу дюны
медленно песок сползает
в мелководие к малькам
лишь бежит волна косая к сигаретным уголькам
в этих дюнах в этих дюнах
хорошо дневать и думать
что живет здесь сердоликий
то ли мальчик то ли дикий
безымянный рыбодух
недвижимый нерушимый
смотрит как все выносимо
а когда невыносимо
проговаривает вслух.

Мир не форма а ферма
тут дают шаурму
Или даже шаверму
молодому уму.
Уйму снастей и уйму
чего не пойму,
быть просторней на ..уй бы
молодому уму
Мир не тора, а торба,
в обхват два крыла,
нам хватает по горло,
вот и пьем из горла.
А для древних проворных
торных змей под арбой,
мир - конечно же, форма.
Неизбежно. Отбой.

СТРАСТИ ПО АМСТЕЛЮ

На площадь Дам бегут молчальники, анабаптисты вправду голые,
Во всеоружии стоят встречальники - блаженным бюргерам управить головы,
Сушить веслом, топить в утопии и заливать по гланды олово,
Не подфартили и не подсиропили, а дефка рыжая дерется здорово,
Мужик с улыбочкой, сам боров ласковый, идет на нож как в царство Божие,
Под лавкой кот шныряет глазками, и лодки вспыхнули в порту с вельможами,
У горожан святоугодники пошли с проклятьями все против всех,
И голозадые бегут на подвиги, всего-то пятеро, какой успех.
Вот бы равнинную, еще бы сытую, еще торговую бы им судьбу,
Висят повинные с башкой пробитою, прибиты намертво кишки к столбу.
Что время - палево, а Бог безмолвие, в сосуде глиняном во мраке гной, -
По плацу Дам туристка полуголая идет и хмурится под коноплей

По плацу Дам туристка полуголая идет и хмурится под коноплей.

уж ады опустели
серые подошли
берега в плясее
не говори мне
что бомба утолит нашу ярость

ПО СЛЕДАМ НОЧНЫХ БЕСЕД

А. фон Г.

Слезы досады мои, говоришь, неизбежны,
Стареющий Пан тропы до нитки проплакал,
Таем в воде как гетеры на фресках безбрежных,
Меркнут одежды девичьи перед величием мрака.
Точно менады, нарядные духи предплечья,
Тонкой иглой нанесенные бледным индусом,
Что они вечности? - тушь и людские увечья,
Как и созвездья на небе глубокие волчьи укусы.
Телом по телу проложены тайны живого,
Ходим кругами под тоннами белого пара,
Тело под телом, в теле кого-то другого,
В безветрии ямы, в воздухе дикого яра.

СОН ПОД ЛИПИН БОРОМ

Пушится северный загар,
из вереска и мха грунтовый
склонился дор над светом фар,
а в свете том таятся совы.

Лежим в траве, роса к росе,
гроза слилась под Липин бором,
прочварная во всей красе
ночь шарит жердью по озерам.
Крадется шорохом по снам,
за клетью клеть в живые поры,
и жердью длинной по телам
рисует вещие узоры.

Трут ноги-руки, кости-зубы
на толковище тмуц и тыщ,
рожденные в гробах и ступах
летим из недр пепелищ.
Но завещал великий Леннон,
мечи мечту - твой меч и мяч,
пускай махьём ее по венам
и хохочи, а хочешь – плачь.
Завьются волосы свободы,
и дыбом встанут панкера,
урод обнимется с уродом
и будет счастлив до утра.

ХРОНИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

1.

исповедовался, что украл куриную грудку из супермаркета,
рассказал, что Ф. с недавних пор считает людей биороботами,
биомшины запрограммированы мыслить себя свободными существами.
показал две длинные царапины у пупка.

смеялся что у П., вдруг похожего на Дэвида Линча, не растут волосы
на ногах и что нас еще не забрало, разве что самую чуточку,
сидели втроем в узкой комнате и с силой дышали через курильню,
снаружи кто-то темный и малоподвижный терся широким лбом о стекло,
внезапно дух Чехова обвинил нас в инфантилизме, он бы покурил опиума
на нашем месте, а ему зачем-то здесь рассказывают о Витгенштейне,
возмутился и улетучился подпол серой плясёй...

где-то глубоко внутри на цыпочках ходила весенняя незримая
с льдинками на сосцах, о ней мы вовсе не проронили ни слова...

зато говорили о бледном Эде в проходной, не пора ли ему дать поспать,
о правдоносцах, укомплектованных сумраком,
о вечнопраздных, голозадых философах,
/так случайно поцарапаться, как такое возможно?/

еще о биполярном расстройстве тел, таких одиноких во множестве.

2.

цифровое полотно стерильно, в режиме онлайн,
и случаются же помехи - крылышко пепла на заслонке, капелька пота
на заслонке, капелька слюны, капелька кислоты, капелька грязи,
капелька крови - плюх - вылетела на лицо,
заслонка открыта, воздух внутри, оказывается, пригодный,
и полная темнота

лучше не смотреть, как мертвый шахтер возится с выключателем своего фонарика, он слишком яркий теперь.

3.

расскажу я, как погиб тот чилиец Хара, на стадионе, в него выпустили 34 пули, а родился он в крохотной хибаре

другой поэт улетел под кайфом,

третий лег под луну на асфальте,

мы даже не знаем, могут ли писать друг другу мертвые, а если да, то можно ли издавать их книги тут, и вообще вести переписку

заодно было бы здорово обсудить проблему биороботов, и что мертвые думают о втором законе термодинамики, не знаю, помогут ли кому эти книги, заселят ли сады надежд или поглубже вскопают бесплодную геенну

но я знаю таких криптографов, которые не верят в тепловую смерть, рисуют электронные нимбы в киберпространстве

есть такой горячечный философ с зелеными глазами - я слышу, как он разговаривает с полулюдьми-полуфункциями хуматонами, они приходят к нему в образе плоских египетских богов, он расчесывает их золотую шерсть, давит песчаные гниды за ушами. иногда я ломаю голову, почему через пятимерные двери чаще всего попадаешь в двухмерную одиночку?

но есть же, говорят, способный книжник, что вычислил пальмирский фрактал на передвижных и башенных лесах, охота у математика, похоже, любимое хобби

зато я знаю художника, у которого при мысли о взрыве водородной бомбы встает хуй

я скучаю по кудрявой киевлянке, что в юности умела кружиться против солнца, так что растягивалось и пузырилось время, как баблгам; догорая, ее свечи превращаются в полые кораллы из пчелиных сот

и расскажу о женщине с большими грудями, на которых хочется уснуть как младенцу, даже когда она хохочет, сбивая голосом мандарины соседского сада

про юношу с узким лицом и шрамом на скуле, в моряцких клешах, которые он увел из моей спальни, вовсе не портовое жулье из города семи морей, но недурно вальсирующий, Ж. Жене с Б. Блие были бы довольны

еще о поэте, который чтобы не делать перерывов во время боя в Абхазии, закидывался фенозипамом и ссал на свой пулемет, когда тот раскалялся от натуги, потом он долго жил в полиэтиленовом городе, и город не поглотил его

однажды я была необъяснимо взволнована, глядя на немую на реке Суре, с темными губами и оленьими глазами она ходила голая в широких ножных браслетах, брала у фаерщиков еще уроки огневерчения... потом я видела ее в городе спустя несколько месяцев, она научилась говорить, не слыша собственного голоса, голос был низкий и хриплый, словно зверь урчит к радости секса - так ей нравилось извлекать из себя речь, и в то же время - вытаскивать горячими щипцами, я как-то решила, что выдумала ее, но нет, все было и именно так

я встречала гипнотически красивых детей с ДЦП, с трудом отлепляла глаза от ужаса

как-то я встретила отлученного епископа, основавшего собственную церковь, поэта и наркомана, который нигде дольше 3 дней не живет и молится о своих любовниках, растоманах, панках и бродягах, складывая храмы из камня в тайных гротах и пещерах, как это делали в Готии, -

я о нем думаю

издалека наблюдаю за девушкой, она стрижет собак целыми днями, а ее внутренний человек светится как ноктилюки в океане

лучше не смотреть, как погибший шахтер возится с выключателем своего фонарика, он слишком яркий теперь.

детский трансцендентальный опыт пережила глядя на бездомного пса, бившегося в приступе эпилепсии на платформе в Болшево. тогда я впервые вникла в трепет - боль и невыразимый мускус и мускул Присутствия

помню парня, сбившего все волосы на теле, когда впервые влюбился, волосы у него были до пояса, про остальные подробности не помню

знаю человека, - как-то он в горах застопил ветер в образе пастуха, они разговорились. теперь из его рта выходят кристальные пары, точно внутри холод и радость высокогорья. девушка, что обнимает его, утверждает: в зеркале отражаются трое, когда они в постели

хочется рассказать про мертвого замосквореченского гитариста-альбиноса, в его клуб ходили танцевать все городские психи и художники, что с психами заодно

еще я знаю много про подозрительно жизнерадостного, что мимоходом показывает лазы и щели между мирами, сам, насвистывая, идет через синь бесконечного леса, там железные деревья и буки, лианы и длинные, как гитарные рифы, тропы по фьордам. он говорит: там далеко может и есть просвет, но может быть что угодно. мне кажется, что оно ТАМ как-то связано с движением наших ног, жестикуляцией рук, криком из глотки, с тихой молитвой. он улыбается, якобы ему надоело злословить, и проводит двумя пальцами по моему позвоночнику

хочется рассказать о цыгане с белыми волосами, который отстал от табора, но, ясное дело, волосы цыган связаны с дорогами индийским узлом

думаю о человеке-перевертыше и его горьких трудах
вочеловечивания и расчеловечивания,
перекидываться в человека все сложнее, но в ангела вообще
уже нереально

видела тут старика через окно, он сидел на кровати ко мне спиной
и пел по-французски, потом он сказал: не строй деточка, не строй
корабли, зачем запускать их в пустоту?

потом я слушала мертвых старух и их родо-племенные чувства вины, от
которых я неприятно протрезвела

лучше не смотреть, как погибший шахтер возится с включателем своего
фонарика, он слишком яркий теперь

луч выхватил кусок и остановился там

4.

где стволы снопы колонны линии стопы уд шея нотные пюпитры кроны
переплетены
пристальность или пристрастность, абсент или портвейн, -
слишком все это серьезно для ночной болтовни тел и веществ

/внутри существ органы висят в невесомости,
глаголют кровяные тела, напрягаются клавиши,
внутри существ - жидкости сообщаются, перекачиваются шифры
и смазываются механизмы/
пока молекулы занимаются величественной архитектурой
неотвратимого
единства

POST SCRIPTUM

У времени свои ландшафты, но интересное путешествие начинается тогда, когда пейзаж перетекает в область отсутствия слов и обозначений. Единственное искусство, которое способно зафиксировать такой переход – поэзия. Но не любая поэзия, а только та, что живет у границы, на последней заставе между человеческим и инаковым, где распевующие псалмы мусорщики завершают ночь и творят ежедневный обиход.

Для Анастасии Романовой совершенно естественно то, что для всех остальных мнимо и необычайно:

*Мы корм, Господи, твоих вечных светил,
Я видела поля, я видела восходы...*

Стремление ока за окаем, то есть проявленное знание о неизвестном, не выразить обычными сочетаниями слов, простым ритмическим рисунком. Бытие как данность взрывается песнью, песнь перетекает в бормотанье, заговор, почти шепот. Иногда кажется, что Анастасия Романова специально цепляется за повседневную реальность, оставляет засечки, чтоб сориентироваться и вернуться. «Они говорят бомбануло, а мы говорили: зацепило», «чупокабры украли наши девочку», «пахнет похотью и шовинизмом»... это карты, элементы кода, который позволяет вновь свести рушащиеся в многослойные сумерки миры к привычному трехмерному пространству.

Вот как это возвращение осуществлено в давно любимом мной стихотворении (в одном из самых любимых мной современных стихотворений):

*Не рви ветрило серди им,
Печёнку не едай,
Летит невыразимый дым
В тандырный сына край.
Гремит железисто плотва
Эвксинской бережны,
Чертит и завихряет в швах
Бездомных кружев сны.*

*Плевки раздутых пеной чар
Бросает ветра чих,
Внимает слух и брызжет дар
В случайных и ничьих.*

Поэзия – это оружие. Она проявляется там, где между Словом и Отсутствием должно возникнуть нечто третье. Поэтому звук, музыка, семантические поля, елисейские поля – все это имеет для нее лишь дополнительное значение. Текст ничего не стремится определить или выявить, он не ищет нового смысла и не затемняет старый, он служит инструментом и материалом одновременно, шпагой и материей, которая готовится быть пронзенной.

Анастасия Романова не просто отменно жонглирует отточиями смыслов и стонами языка, она знает, где, когда и при каких обстоятельствах нужно это оружие применить, дабы усмирить стражников и разметить тайные тропы, ведущие в края, где еще никто не бывал.

*Я в тех садах под молвь и мовь
свистулькой крепкой вдоль границ
плыву. И гроздьба ягод в кровь
стекают с темных клювов птиц.*

Дмитрий Блаженев, Шанхай.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОБЕГ	3
БДЕНИЕ	4
«всяк мысль, увы, здесь не нова...»	5
PASTIS	6
«к богу ведёт отличный автобан...»	7
КРЫМСКОЕ	8
АТАРАКСИЯ <i>ἀταραξία</i>	9
О ПОСЛЕДНЕМ ПАСТУХЕ ВО ФЛОРАКЕ	10
«о чем вы вообще? искл из правил, искл...»	11
«Крикки-крикки соловья...»	12
СИМБОЛИЧЕСКАЯ ПЬЕСА	13
МАЙ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО	15
«не сплунешь не ответишь...»	16
«наступил на гору...»	17
«Собаки за забором взвыли...»	18
«живу на параллельном полустанке...»	19
МОЛИТВА	20
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПАМЯТИ	21
БАМ	22
ДОГМА	23
ПИТЕРСКАЯ ГИЛЯ	24
«божье шоу пылает в костях...»	25
ИГРА В BASIC	26
ШЕПОТЫ И КРИКИ	27
«Говорят стихи...»	28
КАМНИ ДЬЕППА	29
«Под попсовую музычку света...»	30
«им дали в полночь по стволу...»	31
ПЕРЕБОИ В СЕТИ	32
ЧЕЛЮСКИНСКАЯ, ХОДЫ И ВЫХОДЫ	33
ПИСЬМА ДРУЗЬЯМ	35
«мой брат суров и лаконичен...»	36
«вообще-то, кино было про бывшего водителя трамвая...»	37
«Штопать вышивальщикам узор...»	38
«Северозапах восточнаяблочный задул...»	39
«Этой осенью, а такое уже случилось...»	40
ПОНЯТНЫЕ ТЕКСТЫ	41

МЕМОТО	44
СПБ	45
ROSES BAR	46
ОБ ОДНОМ ОРГАЗМЕ	47
ИЗ ТЕЛЕФОНА	48
«Вдогонку эхо нам не взмолвит...»	51
«Обычное дело...»	52
ПАЛИНДРОМ НОЧИ	53
ПАЛИНДРОМ УТРА	54
ПАЛИНДРОМ ВО СНЕ	55
«От осеннего сплина...»	56
«с удивлением смотрит, как она вонзает в рот горячий язык...»	57
СКАЗКА ПРО УРРА И БЕГЛЕЦОВ	58
«люди скачущие за счастьем...»	61
«Мы корм, Господи, твоих вечных светил...»	62
«Мара несет своих мертвецов...»	63
«Как происходит старение молниеносцев?...»	64
«новостные ленты пишут что...»	65
НАШИ ДЕТИ	66
«заходило приличное общество...»	67
«О юности, наркозе, о подростке...»	68
«за пеленой марево за маревом пелена...»	69
О/СЕНИ/СНЫ	70
ПЕСЕНКА ИЗ ДАО ДЭ ДРЫН	71
«Грифоны едят графоманов...»	72
СЕСТРОРЕЦК	73
ПЕРВОЕ КОЛЬЦО КОЛОДЦА	74
ВОДРЕВО	76
ТЕКСТ ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ	77
ВОСЬМОЕ МАРТА	78
В ГОЛОВЕ ВАДИМА РОЖЕ-ЕЛИЧЕВА	79
«увечная весна...»	82
МРІЯ МИНОТАВРА	83
«Шутовство да шумство...»	84
ПОД ДЮНОЙ	85
«Мир не форма а ферма...»	86
СТРАСТИ ПО АМСТЕЛЮ	87
«Уж ады опустели...»	88
ПО СЛЕДАМ НОЧНЫХ БЕСЕД	89
СОН ПОД ЛИПИН БОРОМ	90
«Трут ноги-руки, кости-зубы...»	91
ХРОНИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА	92
POST SCRIPTUM	97

